Дата поступления рукописи в редакцию: 27.08.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-3-93-98**
Дата принятия рукописи в печать: 28.09.2026 г.

ЩЕРБАКОВА Елена Константиновна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и уголовного права,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: scherbakovael@gmail.com

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, ФАКТОРЫ И СТРУКТУРА

Аннотация. *В статье исследуется проблема определения пределов уголовно-правового воздействия как границ властного вмешательства государства в социальные отношения. Автор доказывает, что данное воздействие представляет собой непрерывный процесс, начинающийся на этапе криминализации деяний и формирования правосознания и продолжающийся после отбытия наказания через институты судимости и постпенитенциарного контроля. На основе диалектического метода и системного подхода выделены ключевые факторы установления этих границ: сфера регулируемых отношений (экономическая, духовная), соотношение объективных закономерностей преступности и субъективной свободы воли субъекта. В структуре работы разграничиваются пространственные пределы и структурные пределы уголовно-правового воздействия. Подчеркивается влияние международного права и цифровизации на трансформацию национальных границ уголовного воздействия.*

Ключевые слова: *уголовно-правовое воздействие, правовое воздействие, пределы действия уголовного закона, соразмерность наказания, структура правового принуждения.*

SHCHERBAKOVA Elena Konstantinovna,
Candidate of Law,
Docent of the Administrative and Criminal Law Department,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

THE LIMITS OF CRIMINAL LAW IMPACT: CONCEPT, FACTORS, AND STRUCTURE

Annotation. *The article examines the problem of defining the limits of criminal law impact as the boundaries of state intervention in social relations. The author argues that this impact is a continuous process beginning at the stage of criminalization of acts and formation of legal consciousness, and continuing after the serving of a sentence through institutions of prior convictions (criminal records) and post-penitentiary control. Based on the dialectical method and systemic approach, key factors for establishing these boundaries are identified: the sphere of regulated relations (economic, spiritual), and the correlation between objective patterns of crime and the subjective free will of the agent. Within the structure of the work, spatial limits (distinguishing criminal law from administrative and civil law) and structural limits of criminal law impact are delineated. The influence of international law and digitalization on the transformation of national boundaries of criminal enforcement is emphasized.*

Key words: *criminal law impact, legal impact, limits of criminal law application, proportionality of punishment, structure of legal coercion.*

Пределы уголовно-правового воздействия — это границы властного вмешательства государства в систему социальных отношений посредством применения мер уголовного принуждения [1, с. 15]. Проблема определения этих пределов имеет особую актуальность в части разрешения вопроса о возможностях уголовной репрессии юридически оформлять, изменять или иным образом влиять на существующие отношения, а также вопроса отграничения сферы действия уголовного закона от иных правовых отраслей (административного, гражданского права) и прочих социальных регуляторов. На практике установить такие границы достаточно проблематично ввиду их динамичности и зависимости от политического режима, уровня экономического развития и культурных кодов конкретного социума. Если при формальном регулировании можно отталкиваться от непосредственного юридического закрепления составов преступлений в Особенной части Уголовного кодекса, то с самим феноменом уголовно-правового воздействия ситуация сложнее. Оно начинается задолго до совершения деяния (на этапе криминализации деяний и формирования общественного правосознания), не заканчивается вынесением обвинительного приговора и продолжается после утраты самой нормой юридической силы (через институты судимости, рецидива и постпенитенциарного контроля).

Целью исследования является теоретическое определение сущности, структуры и границ уголовно-правового воздействия как формы государственного принуждения.

Для анализа динамичности пределов уголовно-правового воздействия, выявления внутренних противоречий между необходимостью защиты общественных интересов и ограничением вмешательства государства в социальные отношения использовался диалектический метод. Системный подход применялся для рассмотрения уголовно-правового воздействия не как разрозненного набора санкций, а как целостной системы властного влияния на общественные отношения, выходящей за рамки формального применения санкции. Метод правовой герменевтики использовался для толкования смыслового доктринальных положений в контексте заявленной проблемы.

В отечественной правовой традиции проблема пределов всегда рассматривалась через призму гуманизма и экономии уголовной репрессии. Еще основоположник российской науки уголовного права Н.С. Таганцев подчеркивал, что «уголовный закон должен быть последним доводом государства» [2, с. 245], применяемым лишь тогда, когда иные средства социального контроля исчерпаны. Современное понимание этой проблемы требует синтеза классического догматического подхода с данными криминологии, психологии и экономики.

Можно рассмотреть несколько ключевых факторов, влияющих на установление границ уголовно-правового воздействия.

1. Сфера подпадающих под воздействие общественных отношений. Уголовное право традиционно охватывает наиболее общественно опасные деяния против личности, собственности, общественной безопасности и основ конституционного строя [3, с. 17–18]. Однако современная социальная реальность размывает эти классические контуры. Существуют зоны, где уголовное воздействие затруднено или неэффективно по своей природе. Например, экономическая сфера легче подвергается регулированию диспозитивным гражданским правом, основанным на равенстве сторон, но значительно сложнее - прямому императивному уголовному воздействию без сопутствующих административных механизмов финансового мониторинга. Попытки тотальной криминализации экономических проступков часто приводят к параличу деловой активности. Духовная же сфера практически недоступна для прямого карательного влияния: невозможно наказать за ересь или атеизм в светском государстве, не разрушив базовые принципы свободы совести, хотя косвенное воздействие через составы экстремизма остается предметом острых правовых дискуссий. С развитием технологий возникают новые объекты охраны - биометрические данные, геном человека, виртуальные активы. Расширение границ здесь должно строго соотноситься с принципом материальной вредоносности деяния, чтобы избежать превращения уголовного права в инструмент решения политических или корпоративных конфликтов.

2. Соотношение объективного (закономерностей преступности) и субъективного (воли человека). Поскольку уголовное право способно оказывать эффективное превентивное воздействие прежде всего на волевое

поведение лица через угрозу наказания, критически важно учитывать уровень свободы выбора субъекта [4, с. 45]. Степень и глубина уголовно-правового воздействия зависят от того, насколько осознанно субъект выбирает вариант противоправного поведения и способен ли он руководить им в полной мере.

Здесь пролегает граница между умыслом и неосторожностью, а также между вменяемостью и ограниченной вменяемостью. Кроме того, необходимо учитывать социально-психологический фактор виктимности. Уголовное право защищает не абстрактные нормы, а конкретных людей. Превышение пределов воздействия наступает там, где государство начинает защищать потенциальную жертву способами, которые сами по себе нарушают ее автономию (например, введение комендантского часа для защиты женщин от насилия вызывает дискуссии о балансе личной свободы и коллективной безопасности).

3. Заинтересованность субъектов воздействия. Для государства далеко не каждые общественные отношения могут рассматриваться в контексте оказания на них именно уголовно-правового воздействия. Фокусной группой являются только те взаимодействия, которые посягают на наиболее значимые ценности (жизнь, здоровье, свобода, достоинство личности, безопасность общества и государства). Иные конфликты интересов государство оставляет другим социальным регуляторам - религии, морали, традициям делового оборота или гражданско-правовому суду [5, с. 89].

Однако этот фактор подвержен политической изменчивости. В периоды социальной нестабильности наблюдается тенденция к усилению роли уголовного права. Государство пытается компенсировать слабость иных институтов (социальной поддержки, образования) ужесточением санкций. Это явление известно в сравнительном правоведении как «популистская криминализация» [6, с. 16-17]. История отечественного законодательства знает примеры, когда экономические неудачи пытались «лечить» введением смертной казни за хищения (например, кампания борьбы с хищениями социалистической собственности в СССР), что приводило лишь к росту латентной преступности. Истинный предел здесь определяется способностью государства доказать обществу исключительную опасность деяния, оправдывающую применение самого сурового вида принуждения.

4. Целесообразность уголовно-правового воздействия. Необходимо учитывать потребности общества в оказании жесткого принудительного воздействия на те или иные социальные отношения, сопоставляя социальный вред деяния с затратами государства на его преследование. Существуют деяния, которые эффективнее подвергаются саморегулированию обществом (неформальными санкциями, остракизмом), либо те, которые находятся в стадии становления.

5. Возможности права к осуществлению результативного воздействия. Нужно понимать, что далеко не на каждое социальное взаимодействие уголовный закон может оказать реальное влияние. Речь идет не столько о формальном наличии статьи в кодексе, сколько о действительном, эффективном воздействии. Наглядным примером служат личные эмоциональные связи: ревность или ненависть невозможно искоренить исключительно угрозой лишения свободы, так как они иррациональны по своей природе. Здесь требуются иные механизмы превенции - психологическая помощь, ограничение доступа к оружию, запретительные судебные приказы (restraining orders) [7, с. 81-82]. Предел уголовно-правового воздействия также ограничен порогом насыщения пенитенциарной системы: если тюрьмы и колонии переполнены, а сроки чрезмерны, исправительное воздействие замещается криминальной профессионализацией осужденных. Пределы определяются также материальными возможностями пенитенциарной системы, организационными ресурсами правоохранительных органов и интеллектуально-психологическими особенностями лиц, совершивших преступление.

Перечисленные факторы увязывают пределы уголовно-правового воздействия с той областью социального пространства, на которую карающее правосудие способно оказать преобразующее воздействие на человеческую жизнь, не разрушая ее окончательно. Поэтому превышение допустимых пределов (избыточная криминализация малозначительных проступков или несоразмерно суровые санкции) может привести не только к нарушениям прав и законных интересов граждан в рамках конкретного дела, но и к эрозии доверия к государству

и нарушению стабильности всей правовой системы.

На основе выделения описанного выше объективного и субъективного составляющих в праве можно выделить пространственные и структурные пределы уголовно-правового воздействия.

1. Пространственные пределы выделяют сферу уголовно-правового воздействия в рамках общей системы государственного принуждения. Пространственные пределы выделяют сферу уголовно-правового воздействия в рамках общей системы государственного принуждения. При помощи определения внешних пределов устанавливается область осуществления уголовного преследования, которая отграничена от граничащих с ней областей административного пресечения, дисциплинарных взысканий и гражданско-правовой ответственности [1, с. 42]. Эта область включает наиболее значимые, ценные для каждой социальной группы общественные отношения (конституционный строй, государственная безопасность, основы жизни и здоровья населения). Соответственно, выделяются и те сферы, которые уже не будут так результативно регулироваться уголовным законом (естественно-природные события, чистая нравственность, религиозные догмы, внутренние корпоративные споры акционеров).

2. Структурные пределы можно трактовать как границы внутри самой уголовно-правовой материи, очерчивающие круг возможного арсенала средств, способов и методов уголовно-правового принуждения в зависимости от этапа и обстоятельств конкретной жизненной ситуации. Предполагается выделение нескольких уровней такого воздействия.

1) Стадия установления запрета: предел законодательной власти. Он жестко ограничен Конституцией РФ (принцип *nullum crimen sine lege,* запрет аналогии закона, требования правовой определенности). Закон должен быть сформулирован так, чтобы гражданин мог предвидеть последствия своих действий. Размытые формулировки без четких критериев состава постоянно тестируются Конституционным Судом РФ на предмет выхода за пределы дозволенного ограничения прав.

2) Стадия привлечения к ответственности: предел усмотрения следственных и судебных органов. Этот предел задается презумпцией невиновности и правилом толкования всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (*in dubio pro reo*). Выход за этот предел означает переход от правосудия к инквизиционному процессу. Сюда же относятся границы мер пресечения: заключение под стражу должно быть исключительной, а не стандартной мерой.

3) Стадия исполнения наказания: предел интенсивности карательного содержания. Он регулируется Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [8], национальным законодательством и надзором прокуратуры. Недопущение пыток, унижающего достоинство обращения, обеспечение медицинской помощи и соразмерность режима тяжести содеянного - это жесткие структурные барьеры. Нарушение этих пределов влечет международно-правовую ответственность государства.

В современном мире национальные пределы уголовно-правового воздействия не могут рассматриваться в вакууме. Они опосредованы международным правом. Российская Федерация, будучи участницей многочисленных международных организаций, вынуждена соотносить свое законодательство с практикой международных судов.

Принцип соразмерности, выработанный международной практикой, стал внутренним фильтром для законодателя: любое вмешательство государства в права человека должно быть предусмотрено законом, преследовать законную цель и быть необходимым в демократическом обществе.

Определение того, нужно ли вводить новый уголовно-правовой запрет, сегодня опирается на научный метод. Криминологическое прогнозирование использует статистические модели, опросы экспертов (Дельфийский метод) и анализ виктимизации [9, с. 111-112]. Прежде чем криминализировать новое явление (например, дипфейки или использование криптовалют в теневом секторе), проводится оценка ожидаемого эффекта.

Если прогноз показывает, что норма будет «спящей» или приведет к массовому необоснованному привлечению к ответственности законопослушных граждан, предел считается достигнутым еще на стадии законопроекта. Примером служит многолетняя дискуссия о декриминализации домашних побоев в России: столкновение традици-

онного понимания семьи и требований абсолютной неприкосновенности личности создало сложную зону поиска баланса, где предел воздействия постоянно корректируется судебной практикой.

Границы уголовно-правового воздействия во многом определяются тем, как наказание воспринимается адресатом. Согласно теории рационального выбора, человек совершает преступление, если ожидаемая выгода превышает воспринимаемый риск. Однако эмпирические исследования показывают, что большинство бытовых преступлений совершаются импульсивно, в состоянии аффекта или алкогольного опьянения.

Следовательно, существует когнитивный предел эффективности угрозы: если субъект не осознает риска (например, из-за отсутствия базового правового просвещения), усиление санкции никак не изменит его поведение. Это выводит нас к выводу о том, что предел жесткой репрессии находится там, где начинаются девиации психики и социальные патологии, требующие не тюремного заключения, а институционализированной психиатрической и социальной помощи.

Цифровизация создала беспрецедентный вызов для понятия пределов. Виртуальное пространство анонимно и трансгранично. Традиционные инструменты территориальной юрисдикции здесь работают неэффективно. Возникает феномен «цифровой избыточной криминализации», когда одно действие (репост, комментарий) одновременно квалифицируется как клевета, оскорбление, возбуждение ненависти и нарушение авторских прав. Предел здесь видится в необходимости консолидации составов и приоритете ненасильственных способов разрешения информационных споров (модерация платформ, удаление контента).

Выводы. Система уголовно-правового воздействия представляет собой динамичную совокупность определенных средств, способов и методов государственной репрессии, нацеленную на достижение социально полезных результатов: восстановление справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Эта система устанавливает субординационные связи между государством и личностью, нарушившей уголовно-правовой запрет, но сама эта связь должна находиться в равновесии.

Определение места и роли уголовно-правового воздействия необходимо для понимания его карательной сущности, обозначения его границ и уяснения его связи с прочими направлениями правового принуждения. Констатируется, что эффективное уголовно-правовое воздействие может быть осуществлено лишь тогда, когда угроза наказания дополняется иными мерами — научно обоснованной профилактикой, воспитанием, социальной адаптацией и экономическим стимулированием правомерного поведения, формируя тем самым комплексное сдерживание преступности.

Выход за установленные пространственные, временные и структурные пределы неизбежно приводит к перерождению права в произвол. Здоровье правовой системы измеряется не количеством заключенных и не суровостью максимальных сроков, а точностью попадания уголовной репрессии в ту узкую зону, где она действительно необходима и способна принести больше пользы, чем вреда общественному организму. Дальнейшее развитие учения о пределах связано с необходимостью адаптации классических принципов виновности и соразмерности к реалиям искусственного интеллекта, биотехнологий и глобальной экономической взаимозависимости.

Список литературы:

[1] Щербакова Е.К., Кулапов В.Л. Механизм правового воздействия в системе социального воздействия: монография. — М.: Проспект, 2023. — 184 с.

[2] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 частях. Ч. 1. — М.: Юрайт, 2025. — 414 с.

[3] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. — М.: Наука, 1982. — 287 с.

[4] Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. — М.: Юрайт, 2026. — 291 с.

[5] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. — М.: Юристъ, 2003. — 250 с.

[6] Кузнецов А.П. Криминализация - декриминализация, пенализация - депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 16-18.

[7] Брусницын Л.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения и вне этой системы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1. С.

81-88.

[8] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/175 от 17 декабря 2015 г. // Гарант. URL: https://base.garant.ru/1305346 (дата обращения: 13.07.2026).

[9] Моськин А.М. Методы криминологического прогнозирования преступности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 3. С. 109-112.

References:

[1] Shcherbakova E.K., Kulapov V.L. The Mechanism of Legal Influence within the System of Social Influence: A Monograph. — Moscow: Prospekt, 2023. — 184 p.

[2] Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. In 2 parts. Part 1. — Moscow: Yurayt, 2025. — 414 p.

[3] Kudryavtsev V.N. Legal Behavior: Norm and Pathology. — Moscow: Nauka, 1982. — 287 p.

[4] Luneev V.V. A Course on World and Russian Criminology: In 2 vols. Vol. 1. — Moscow: Yurayt, 2026. — 291 p.

[5] Malko A.V. Incentives and Restrictions in Law. — Moscow: Yurist, 2003. — 250 p.

[6] Kuznetsov A.P. Criminalization–Decriminalization and Penalization–Depenalization as Components of Criminal Policy // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (35). P. 16–18.

[7] Brusnitsyn L.V. Prohibition of Certain Actions Within and Outside the System of Pre-trial Restrictive Measures // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 81–88.

[8] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules): adopted by UN General Assembly Resolution A/RES/70/175 of December 17, 2015 // Garant. URL: https://base.garant.ru/1305346 (accessed: 13.07.2026).

[9] Moskin A.M. Methods of criminological forecasting of crime // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3. P. 109–112.

